

В этот момент никто уже не осуждал архиепископа за его «лесть» и «раболепное» стремление угодить. Если просто организовать «величественную» церемонию встречи, чтобы король спокойно вернулся домой, то это мог бы сделать кто угодно.

— Как я могу их увидеть? Ведь когда меня бросили в эту проклятую комнату, никто даже не заметил мою корону. — Он вдруг гневно посмотрел на своих министров. — А вы, люди, даже после стабилизации политической обстановки отправили своих приспешников сторожить меня.

Гнев короля по этому поводу был ожидаем. Административный министр спокойно выдвинул заранее подготовленного козла отпущения:

— ...Мы лишь спустя долгое время осознали, что великий король был заперт здесь. Однако в тот момент было неудобно громко заявлять о вашем возвращении. Думаю, вы понимаете, что нам пришлось заботиться о вашей безопасности. Хотя вам пришлось оставаться здесь, но вчера, когда в столице царил паника и хаос, это было лучшим выбором.

Конечно, так он сказал, но все же наказал дворянина, которому принадлежал стражник.

И действительно, после этого выражение лица короля явно смягчилось, и, выплеснув гнев, он снова стал таким же мягким и безобидным, как раньше:

— Я могу понять, но не могу простить. В конце концов, я король, и авторитет короны нельзя оспаривать...

— Понимаем, это вполне разумно, — с улыбкой согласились министры. — Тогда, ваше величество, можем ли мы обсудить дату вашего возвращения во дворец?

«Мягкий и безобидный» король кивнул с улыбкой:

— Я прожил здесь так долго, что не против задержаться еще немного. Я дам вам достаточно времени на подготовку — подготовку к великому судебному процессу. Конечно, я хочу, чтобы те, кто восстал против меня, почувствовали последствия. Я хочу знать, почему они это сделали, кто их подтолкнул, чтобы больше никто не осмелился бросить вызов королевской власти. Вы ведь тоже готовитесь к этому процессу, не так ли?

Эти слова, как обнаженный кинжал, слегка обнажили истинные клыки Хань Сю.

Это требование было разумным, но оно не соответствовало традициям.

Эти «смирненные» министры переглянулись, несколько озадаченные. Честно говоря, Нора не была страной, где царил закон. Их законы были более произвольными, но даже так, судебная система была совершенно отдельным миром от административной. Судьи вызывали страх у чиновников, но также были забыты ими.

— Я справедливый монарх, и я должен, и буду обеспечивать справедливое отношение к моим подданным, независимо от того, поступили они правильно или нет.

Он слегка наклонился вперед, его голубые, как море, глаза глубоко смотрели на министров, словно в них был водоворот, который мог затянуть любого, кто неосторожно взглянет.

Конечно, в этот момент в них читалась непоколебимая решимость:

— Те, кто совершил ошибки, должны понести заслуженное наказание, не так ли?

Капризный король, выдвинув свои условия, больше не хотел «тратить время» на своих гостей:

— Думаю, вам нужно время, чтобы обдумать мое предложение. Я не тороплюсь, хотя это простое решение, просто добавить несколько мест для наблюдателей в суде. Но я знаю, что вы не тот, кто может это решить. Теперь я, как кучер, держащий кнут, сообщаю вам это решение, а ваша задача — передать его канцлеру, который решает за меня различные мелкие вопросы.

Он повернулся к архиепископу, который «спокойно» изображал глубокую задумчивость:

— Так ведь, Хоффман?

Хоффман посмотрел на административного министра, который хотел возразить, но не мог, и покорно ответил:

— Конечно, это именно та модель, которую мы всегда поддерживаем. Мой король, вы очень умны и мудры, это неплохая идея. Я имею в виду, они совершили такое злодеяние против вас, и мы, конечно, не можем просто так это оставить. Думаю, канцлер поможет вам подготовиться к этому.

Позже он объяснил министрам:

— Его (короля) оскорбили те торговцы, и он, конечно, должен восстановить свою честь. Он просто вспыльчивый молодой человек, мы все это понимаем. В таком возрасте люди наивны и импульсивны. Это всего лишь несколько незначительных бунтовщиков, которые все равно должны быть наказаны. Они напугали столько дворян и доставили нам столько хлопот. Конечно, я постараюсь убедить короля не слишком вмешиваться в судебный процесс. Похоже, он сейчас хочет утвердить свой королевский авторитет, а авторитетный король не позволит власти посягать на закон, это мы все знаем.

Министры явно успокоились после этих слов.

Проводив их, Хоффман не последовал за ними, а вернулся в тюрьму.

Теперь ему не нужно было, как раньше, беспокоиться о множестве вещей.

На самом деле, по требованию короля, рыцарь, который его охранял, был арестован, а его хозяин также попал в тюрьму. Возможно, следующими на суде будут они.

Король выразил недоверие к дворянским приспешникам и офицерам во дворце, которые могли сговориться с врагами, поэтому Хоффман уже предложил, чтобы Церковь «защищала» короля. Теперь все в этой тюрьме были его людьми, и он мог свободно входить и выходить, не отчитываясь перед кем-либо, и не подвергая свои слова и действия наблюдению канцлера и других.

В третий раз войдя в комнату, он увидел короля, который еще недавно был полон гнева, а теперь лениво лежал на диване, прикрыв глаза, словно о чем-то размышляя.

— Мой король.

В сердце Хоффмана поднялась волна возбуждения и удовлетворения. Он не хотел вникать в причины этого чувства — было ли это из-за того, что король был с ним откровенен, или из-за радости от возможности быть рядом с королем.

Увидев его, король не слишком удивился, лишь приподнял бровь:

— Что? Мой архиепископ, ты уже научился входить в комнату без разрешения короля?

Хоффман слегка наклонился, опираясь руками на спинку дивана, его глубокий взгляд пристально смотрел на короля:

— Жестокий король, что ты говоришь? Почему ты всегда так ранишь сердце того, кто тебя любит. — Он тихо рассмеялся, и в его глазах появилась детская игривость. — Король, как ощущение, когда ты играешь со своими министрами, как с марионетками?

— Ничего особенного, — равнодушно ответил Хань Сю. — Никто из них не обладает реальной властью. Все прошло так гладко, скорее всего, потому, что я с самого начала заручился поддержкой тебя, архиепископа, который имеет влияние? — Он искоса взглянул на мужчину, который снова вторгся в его личное пространство, и пошутил.

Хоффман рассмеялся:

— Я должен радоваться, что моя небольшая власть заставила тебя обратить на меня внимание?

— Да, — пошутил Хань Сю. — Иначе как ты думаешь, я мог бы влюбиться в тебя? Ты ведь всего лишь лицемерный архиепископ, который хочет манипулировать мной, как марионеткой, тридцатилетний холодный и жесткий старик. Если бы мне не хватало людей, я мог бы найти страстных, как розы, мальчиков или девочек.

— О, мой король, ты разбил мое сердце на кусочки, жестокий человек, я не могу дышать от боли.

— Но ты все еще можешь говорить нежности, — Хань Сю рассмеялся и приблизился. — Ладно, раз ты так жалок, этот поцелуй в качестве утешения.

Его губы коснулись уголка рта Хоффмана, и в следующий момент «утешенный» мужчина тут же воспользовался возможностью, чтобы углубить и продлить их поцелуй.

В этот день из тюрьмы больше никто не ушел.

Канцлер, выслушав рассказ министра, без колебаний согласился с этим решением:

— Я знаю этого юношу, он молод, поверхностен и так же импульсивен. Это то, что он сделал бы, ведь этот простодушный юноша — наш король, и его капризы мы должны терпеть. Пусть выплеснет свои эмоции, и тогда все будет в порядке.

Канцлер, как и Хоффман, знал короля достаточно хорошо, чтобы так легко им манипулировать.

<http://bllate.org/book/17715/1655478>